

Я.А. ШВЕДОВА

ПРОБЛЕМА РАСШИРЕНИЯ НАТО И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

«Россия является ключевым игроком на Евразийском континенте. Отношения России и НАТО должны достичь такого уровня, чтобы разногласия по одному вопросу не означали прекращения сотрудничества в других областях».

Лорд Робертсон

Уже десять лет минуло с тех пор как Российская Федерация вышла на мировую арену в качестве самостоятельного субъекта международных отношений. На протяжении этого сложного, полного вызовов и необратимых последствий периода Россия пыталась (и этот процесс до сих пор продолжается) сформировать сбалансированную внешнюю политику, основанную на национальных интересах, прагматизме и экономической эффективности. Будучи крупнейшей Евразийской державой, Россия играет ключевую роль на континенте, представляющем, по определению З. Бжезинского «шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство»¹. От того, насколько умело будет выстроена политика России на континенте, будут зависеть ее авторитет и прочность положения в международных делах. В этом ключе взаимоотношения России и НАТО являются одним из приоритетных направлений во внешней политике нашего государства и международных отношениях в целом.

В контексте глобализации международных отношений взаимодействие России и НАТО могут дать ответ на вопрос: возможен ли единый подход различных сил к разрешению этнополитических и религиозных конфликтов и соответственно создание эффективной системы международной безопасности? Значительные изменения в архитектуре международных отношений, произошедшие в конце 20-го века открыли реальные перспективы сотрудничества для бывших непримиримых оппонентов.

Можно констатировать, что с момента подписания основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности в мае 1997 года НАТО и Россия сумели пройти достаточно большой путь. Логическим завершением одного из периодов и, одновременно, качественно нового этапа российско-натовских отношений без сомнения, является учреждение Совета Россия – НАТО (28 мая, Рим), за-

менившего Совместный постоянный Совет. В рамках данного Совета Россия и государства-члены НАТО будут работать как равные партнеры в областях, представляющих общий интерес. Совет Россия – НАТО будет служить механизмом для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества совместных решений и действий России и государств-членов НАТО по широкому спектру вопросов безопасности в евроатлантическом регионе². Данные вопросы охватывают сотрудничество в борьбе против терроризма, кризисном регулировании, нераспространении оружия массового уничтожения, контроле над вооружением и выработке мер укрепления доверия, противоракетной обороне, поиске и спасении на море, в сфере военных реформ и чрезвычайном гражданском планировании и реагировании.

С образованием Совета Россия – НАТО связываются большие надежды. Но пока еще рано давать какие-либо оценки его деятельности и анализировать его эффективность и влияние на мировую политику. Ведь несоответствие «весовых категорий» России и НАТО будет создавать определенные сложности в выстраивании отношений на равноправной основе. Во-первых, по военным и экономическим показателям НАТО многократно превосходит Россию, во вторых, у России отсутствует право «вето» при решении вопросов, касающихся, в частности расширения Альянса даже за счет республик бывшего СССР.

Можно лишь отметить, что сотрудничество по вышеобозначенным областям вполне реально и отвечает интересам обеих сторон.

Однако в отношениях России и НАТО до сих пор остаются проблемы, решение которых требует особых подходов, учета позиций и, в определенной степени, исторического опыта всех участников. Одной из таких проблем по-прежнему остается расширение НАТО и реакция РФ на данный процесс.

В первую очередь, хотелось бы подчеркнуть, что проблему расширения НАТО нельзя сводить исключительно к территориальному расширению. Хотя этот вопрос, безусловно, является одним из самых острых. Расширение следует интерпретировать и как расширение сферы ответственности НАТО. В частности в концепции Североатлантического Союза, принятой на юбилейном саммите в Вашингтоне (23–24 апреля 1999 г.) неоднократно подчеркивается готовность НАТО использовать силу и влияние за пределами зоны ответственности Альянса. Пункт 31 концепции гласит, что «проводя политику сохранения мира, предотвращения войны и укрепления безопасности и стабильности НАТО, в сотрудничестве с другими организациями, будет содействовать предотвращению конфликтов, а в случае возникновения кризиса – участвовать в его эф-

фактивном урегулировании в соответствии с международным правом, включая возможность проведения операций реагирования на кризис вне статьи 5 Вашингтонского договора»³. Фактически НАТО претендует на роль единственной организации, способной адекватно ответить на любые неожиданные ситуации и урегулировать кризисы. В дискуссиях автора с представителями НАТО в апреле 2000 г. данная мысль неоднократно озвучивалась, и подчеркивалось, что НАТО оказалась единственной дееспособной организацией, взявшей на себя миссию урегулирования Югославского кризиса 1999 г., в то время как ООН и ОБСЕ не могли предложить эффективных мер по решению этой сложной проблемы. Вполне закономерным является тот факт, что НАТО провозглашает себя «мессией, призванным спасти мир от конфликтов и войн». Не случайно происходит изменение в терминологическом аппарате: вместо понятий «Атлантический мир», «атлантизм» все чаще, в том числе и в официальных документах используются термины «Евро-Атлантический мир», «евроатлантизм». Если прежние дефиниции подразумевали исключительно территорию членов НАТО плюс Северную Атлантику и Средиземноморье, то новое определение более расплывчато и размыто, и уже за счет этого оно расширяет зону ответственности союза. На Вашингтонском саммите данная территория была обозначена как «общее пространство безопасности от Ванкувера до Владивостока», за которое несет ответственность НАТО⁴. При этом НАТО признает первостепенную ответственность в деле содействия безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе за СБ ООН и подтверждает, что будет действовать в соответствии с Уставом ООН⁵.

Расширение зоны ответственности НАТО реализуется и через развитие партнерства, сотрудничества и диалога, в частности, в рамках Совета евроатлантического партнерства Средиземноморского диалога, через программу Партнерство ради мира, взаимодействие с Западноевропейским Союзом⁶. Подобная активность НАТО демонстрирует, что обеспечение безопасности того или иного государства более эффективно в рамках сильной интернациональной, а не национальной организации и на сегодняшний день наиболее действенной интернациональной структурой является именно НАТО.

Без сомнения, эффективное обеспечение безопасности в Евро-Атлантическом регионе невозможно без участия России. Это неоднократно подчеркивал в своих выступлениях генеральный секретарь НАТО Джорж Робертсон, делая акцент на то, что «отношения взаимопонимания и сотрудничества с Россией исключительно важны для всей Европы»⁷.

Анализируя позицию России по вопросу расширения сферы ответственности НАТО, невозможно не учитывать исторический опыт. Смена парадигм не может произойти в одночасье. На протяжении более чем сорока лет НАТО и Россия воспринимались как враги. Цивилизованно расставшись со своими сателлитами, выведя войска из Европы и подписав договоры по контролю за вооружениями, Россия получила возможность установить партнерские отношения с бывшими противниками. Тем не менее, чувство взаимного подозрения еще долгое время будет влиять на отношения России и НАТО. Идея расширения зоны ответственности НАТО интерпретировалась российской стороной особенно в середине 1990-х гг. как наступление на национальные интересы России. Во-первых, еще были слишком сильны имперские амбиции, а, во-вторых, влияло непонимание причин сохранения организации, созданной для противостояния уже прекратившему свое существование государству. В тот период НАТО еще не выработала стратегии поведения с Россией и методов убеждения российской политической элиты в своих неагрессивных намерениях. Такие решения НАТО как подтверждение позиции «открытых дверей» для новых членов, заявленной на саммите в Брюсселе в январе 1994 г. и последовавшее за ним «Изучение расширения НАТО, выпущенное главами государств и правительств, участвующих в сессии Североатлантического Совета» 3 сентября 1995 г. продемонстрировали России стремление распространения военного и политического проникновения НАТО на территории традиционного влияния бывшего СССР⁸. Особую настороженность России вызывает вопрос территориального расширения НАТО. С одной стороны, расширяя свою зону безопасности посредством привлечения новых членов, бывших участников Варшавского Договора, НАТО реализует цель создания «неделимой и стабильной» Европы. С другой, подобными действиями НАТО рискует насторожить Москву, вызвав страх и размышления о снижении роли России в привычном регионе доминирования.

В декабре 1996 г. на встрече министров иностранных дел государств НАТО начали разрабатываться рекомендации по приему новых членов. Россия восприняла данные мероприятия крайне негативно, усмотрев в них призрак появления новых разграничительных линий в Европе. Для того чтобы избавить Москву от подобных иллюзий и предотвратить ее жесткую оппозицию процессу расширения министры иностранных дел на той же встрече разработали стратегию по «углублению и расширению» отношений с Россией. Последующие четыре месяца интенсивных переговоров между Генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой и Министром иностранных дел России Евгением Примако-

вым привели к выработке текста «Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности НАТО и Российской Федерации» который был подписан 27 мая 1997 г. в Париже. Данным шагом НАТО продемонстрировала, что не стремится исключить Россию из формирования нового мирового порядка. Создание Совместного Постоянного Совета России и НАТО, согласно тексту Основополагающего акта, обеспечило возможность нашему государству участвовать в дискуссиях по некоторым аспектам, представляющим взаимный интерес. Таким образом, НАТО удалось смягчить резкую критику со стороны России по вопросу включения в НАТО бывших сателлитов СССР. В июле 1997 г. на саммите НАТО в Мадриде было принято решение о вступлении в Альянс Чехии, Венгрии и Польши. И уже через два года национальные флаги новых государств-членов развивались у штаб-квартиры НАТО в Брюсселе⁹.

Сложившаяся ситуация оценивается далеко неоднозначно. Некоторые аналитики с Запада, в частности Генри Киссинджер, считают, что Москва получила слишком много за толерантное отношение к инициативе Альянса. По его мнению, включение России в дискуссии с НАТО и возможность в какой-то степени влиять на принятие решений принесет негативные последствия для Альянса. Киссинджер является самым последовательным критиком включения России в структуры НАТО. Анализируя программу «Партнерство ради мира», одной из целей которой являлось привлечение России к деятельности НАТО, Киссинджер отмечает, что «и Россия, и Америка заинтересованы в стабильной Европе. Это можно добиться только присутствием Америки в Европе, основанным на НАТО. Стабильность в Европе требует подтверждения централизованного принципа НАТО, а не размывания его в абстрактной многосторонности»¹⁰.

Другая точка зрения, сторонниками которой являются в основном российские авторы, сводится к тому, что создание Совместного Постоянного Совета России и НАТО является символической платой за урегулирование российского сопротивления расширению НАТО. Главный редактор журнала «Обозреватель» В. Штоль, например, приходит к выводу, что подписание «Основополагающего акта об отношениях России и НАТО» явилось лишь политической декларативной акцией, но по существу санкционировало реализацию планов (расширения. – *Я.Ш.*) НАТО¹¹. Соответственно Москве, по его мнению, следует более жестко политическими средствами препятствовать расширению НАТО на Восток, добиваться ее трансформации в политический альянс и установления стабильного баланса сил между Российской Федерацией и НАТО¹².

Если попытаться подойти объективно к оценке данного вопроса, то можно предположить, что НАТО поступила дальновидно, предложив России взаимодействие через СПС. В принципе, участие России в Совете не могло как-то радикально повлиять на политику и реализацию решений НАТО, значение этой инициативы имело скорее моральный эффект для России, чем практический. Обе стороны сумели выйти с честью из сложившейся ситуации. Россия была не проигнорирована, что в тот период уже являлось большим достижением, и НАТО без особых осложнений добилась желаемого результата. Невольно возникает вопрос, какие аргументы могла бы предоставить Россия, обосновывая свое сопротивление расширению НАТО? Государства Центральной и Восточной Европы демонстрировали желание войти в НАТО, посредством этого обеспечивая гарантии своей безопасности в будущем. А угроза применения ядерного оружия со стороны России была несовместима с принципами транспарентных отношений с Западом. С другой стороны, в перспективе данный шаг означал начало «новых отношений» России и НАТО: основополагающий акт стал своеобразным фундаментом строительства международной системы, в которой Россия и НАТО являются основными действующими силами.

С 1997 по начало 1999 гг. НАТО пыталась оправдать процесс расширения заявлениями о выработке «нового имиджа». К началу 1999 г. официальные представители НАТО подтверждали это следующими заявлениями: военные мероприятия НАТО сокращаются с 70 % до 40 %, политические возрастают с 25 % до 35 %, а остальные (экология, культура, образование) с 5 % до 25 %¹³. Однако в скором времени все иллюзии по трансформации НАТО были развеяны новым Балканским кризисом вокруг Косово.

Несостоятельность переговоров в Рамбурге, когда каждая из сторон в традициях времен биполярного мира поддерживала: НАТО – албанцев, Россия – сербов в их нежелании прийти к общему соглашению, привела к военному вмешательству НАТО в конфликт. Это противоречило интересам России. Проголосовав за резолюции Совета Безопасности ООН № 1199 и № 1244, Россия использовала свое право «вето», когда в ООН обсуждался вопрос о предоставлении НАТО мандата на проведение миротворческой операции в Косово¹⁴. Война в Югославии практически поставила государства-члены НАТО и Россию по разные стороны баррикад. Она также явилась своеобразным тестом на проверку новых участников. С одной стороны, спустя две недели после официального вступления в НАТО, Венгрия, Чехия и Польша, согласно традиционной модели поведения «новичков», должны были продемонстрировать свою привер-

женность Альянсу в наиболее ярко выраженных формах. С другой стороны, несмотря на то, что все единогласно проголосовали за военное вмешательство в конфликт, какая должна была быть реакция у Венгрии, когда 24 марта НАТО в первую очередь начала воздушные атаки именно на Новый Сад, город, 70% населения которого составляют этнические венгры?

События весны 1999 г. продемонстрировали, что военная составляющая всегда будет доминировать в деятельности Североатлантического Альянса. С данного периода НАТО взяла курс на усовершенствование стратегии расширения. К апрелю 1999 г. был разработан план «Вступления в НАТО» (Membership Action Plan). Его цель заключалась в оказании помощи странам, намеренным вступить в Альянс, через рекомендации, помощь и практическую поддержку. Согласно этому плану, страны-аспиранты должны были ежегодно участвовать в Совещаниях Совета НАТО по формуле «19+1». В настоящий момент в этом плане участвуют 9 государств, изъявивших свое желание вступить в НАТО: Латвия, Литва, Эстония, Словакия, Словения, Болгария, Румыния, Албания и республика Македония¹⁵. На предстоящем в ноябре 2002 г. саммите в Праге будет принято решение о приглашении некоторых из вышеуказанных государств (а не исключено, что всех) к вступлению в НАТО.

Безусловно, невозможно будет принять в Альянс всех одновременно, так как некоторые из кандидатов по объективным показателям еще не готовы к вступлению. Существуют различные прогнозы относительно очередности вступления в НАТО. В частности Джеймс Голдгейер, директор института Европейских, Российских и Евразийских исследований при университете Джорджа Вашингтона считает, что наиболее оптимальным сценарием Пражского саммита будет приглашение к вступлению 5 стран: Латвии, Литвы, Эстонии, Словакии и Словении. Эта пятерка является наиболее подготовленной. Кроме того, не пригласить Балтийский республики означало бы потворствовать амбициям России, что было бы политически неприемлемым. Словения соответствует критериям членства с 1999, если не с 1997 г., а Словакия была бы принята в НАТО еще в 1999 г., если бы в середине 1990-х у нее было другое правительство. Что касается Болгарии и Румынии, хотя они и оказали значительную поддержку во время Косовской кампании, их политическая и экономическая нестабильность может затормозить процесс вступления в Альянс¹⁶. Автор не упоминает ничего о республике Македония и Албании, по всей вероятности полагая, что их время еще не пришло. Британские эксперты из Международного института стратегических исследований оценивают позиции кандидатов аналогичным образом, но

считают, что на Пражском саммите приглашения должны получить первые семь государств¹⁷. Интересна позиция американского политолога Стюарта Крофта, считающего, что хотя, безусловно, Болгария и Румыния выглядят не так уверенно, как страны Балтии, Словения и Словакия, а республика Македония сильно отстает от первых, не говоря уже об Албании, было бы логично пригласить к вступлению в ноябре 2002 г. всех кандидатов. Он объясняет такую позицию тем, что, пригласив всех можно будет надолго закрыть вопрос территориального расширения, не оставляя России повода для продолжения упреков¹⁸. Официальная позиция несомненного лидера Альянса – США, представленная президентом Дж. Бушем, по поводу приема новых государств состоит в том, что Соединенные Штаты и все государства НАТО должны приложить максимум усилий, чтобы как можно больше государств вошло в Организацию. Только так возможно добиться стабильности в Евро-Атлантическом регионе¹⁹. После событий 11 сентября акценты в позиции американской администрации несколько сместились, и в настоящее время Вашингтон стремится вначале повести разговор о «новых потенциалах против новых угроз» и лишь затем заниматься «организационными делами». Осторожный подход к приему новых стран в НАТО обусловлен опасением Америки относительно политической стабильности в некоторых государствах, пытающихся стать членами блока²⁰.

Данная проблема не случайно широко обсуждается в политических кругах государств-членов НАТО, так как она может повлечь за собой крайне нежелательные для Альянса последствия. Существуют подозрения, что в случае расширения Североатлантический блок будет размыт и перестанет быть эффективным средством поддержания безопасности по обе стороны Атлантики. В частности, представители комитета по ЕС Палаты лордов британского парламента в докладе «Европейская политика по безопасности и обороне» выразили мнение, что расширение Альянса с 19 до, например, 26 стран участниц может блокировать его работу. Лорды опасаются, прежде всего того, что все члены блока будут активно использовать право «вето»²¹. Подобные прогнозы вполне обоснованы, так как чем шире круг стран-участниц, тем больше вероятность несовпадения их мнений по тем или иным вопросам. Кроме того, включение в блок новых государств может лишить НАТО военной эффективности и превратить ее в орган, похожий на Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, где очень много времени тратится на разговоры и бюрократические процедуры.

Какова же стратегическая линия поведения России в отношении «второй волны расширения»? Современные исследователи нередко про-

водят компаративный анализ реакции России на «первую и вторую волны», пытаясь объяснить причины смягчения критики со стороны российской политической элиты. Ведь, в принципе, на саммите 2002 г. произойдут события более значительные, чем в Мадриде 5 лет назад: будет принято решение о включении в Альянс трех бывших советских республик, имеющих общую границу с Россией. Подобного сценария старался избежать бывший президент России Б. Ельцин. На встрече с Б. Клинтон в Хельсинки в марте 1997 г. он пытался заключить «джентльменское соглашение» о том, что Балтийские республики никогда не станут членами НАТО²². Однако достичь соглашения не удалось и Россия вынуждена была понять, что часы невозможно повернуть назад и рано или поздно Латвия, Литва и Эстония станут членами Альянса. В связи с этим интересно отметить, что когда шла речь о ликвидации Организации Варшавского Договора, Запад уверял Россию, что бывшие члены ОВД никогда не будут приняты в НАТО²³.

Восприятие НАТО в середине 1990-х годов военными и политическими представителями сводилось к тому, что НАТО – это реликт холодной войны, а значит, планы Запада построить на базе данного блока новую систему безопасности в Европе ни к чему хорошему не приведут. В противоположность этому бывшие сателлиты СССР в унисон твердили, что только НАТО сможет обеспечить безопасность и мир в Европейском регионе, и ни какой другой организации это не под силу²⁴.

Пережив «первую волну» расширения, Россия, с одной стороны, почувствовала, что в случае конфликта с НАТО она приобретает врагов в лице своих бывших союзников, но, с другой стороны, вступление Польши, Венгрии и Чехии в НАТО позитивно сказалось на их отношениях с Россией. Получив надежную гарантию безопасности со стороны западного мира, у этих государств пропал страх перед возможным реваншизмом со стороны правопреемника СССР, а соответственно прекратились попытки перманентного дистанцирования от Российской Федерации во многих областях. В последние годы, в частности, отношения России и Польши вышли на качественно новый уровень²⁵. Аналогичная тенденция развивается в двусторонних отношениях России с Венгрией и Чехией. Это свидетельствует о том, что процесс расширения НАТО не опасен для России и мало того, способствует улучшению ее отношений с бывшими сателлитами. Однако в случае «второго Косово» Россия будет вынуждена стать более «сговорчивым» партнером, либо столкнется с большими проблемами и с большим количеством потенциальных противников.

Можно констатировать, что перемены в «натовской стратегии» России произошли в начале 2000 г., после того как В. Путин провел

переговоры с Генеральным секретарем НАТО лордом Робертсоном. На шумевший в прессе ответ и.о. президента «Почему нет?» на вопрос британского журналиста, допускает ли В. Путин присоединение России к НАТО, явился знаковым событием, хотя впоследствии В. Путин заявил, что этот ответ был «домашней заготовкой», цель которой поставить атлантистов в тупик²⁶. Тем не менее, с февраля 2000 г. линию поведения России в отношении НАТО стало определять реалистическое осознание того, что у России отсутствуют политические рычаги давления на расширение НАТО, и чем больше она будет сопротивляться данному процессу, тем более контрпродуктивной окажется ее политика.

События 11 сентября 2001 г. существенно повлияли на пересмотр традиционных подходов к международным отношениям и явились импульсом к более тесному сотрудничеству России и НАТО. Последовавшие за ними встречи В. Путина и Дж. Робертсона в Брюсселе (октябрь 2001 г.) и Москве (ноябрь 2001 г.) и встречи российского и американского президентов в этот же период продемонстрировали, что отношения России и НАТО и России и США выходят на новый уровень. Во время визита В. Путина в США в ноябре от двух президентов последовало заявление, что «Россия и Соединенные Штаты будут работать вместе с государствами-участниками НАТО над улучшением и усилением отношений России и НАТО. Эта работа крайне важна для развития новых эффективных механизмов консультаций, сотрудничества, принятия совместных решений и координации совместных действий»²⁷.

Данная инициатива получила практическую реализацию в мае 2002 г., когда Совместный Постоянный Совет был заменен Советом Россия-НАТО. Повышение статуса России в отношениях с НАТО (то есть работа в Совете по формуле «20», а не «19+1», когда члены Альянса предварительно согласовывали свои позиции по тем или иным вопросам, а уже потом обсуждали их с Россией), а так же реальность новых угроз мировой безопасности изменили восприятие Москвой процесса расширения. Осознавая его неизбежность и невозможность ему противостоять, В. Путин в октябре 2001 г. сделал очень важное заявление, что в связи с необходимостью борьбы с мировым терроризмом у Российской Федерации сформировалась абсолютно новая позиция по вопросу расширения НАТО. Президент отметил, что «если НАТО сместит акценты в своей деятельности и трансформируется в политическую организацию... мы пересмотрим нашу позицию относительно расширения, при условии, что Россия будет вовлечена в данный процесс»²⁸. Подобным заявлением В. Путин начал процесс адаптации российской стратегии в отношении расширения НАТО к новой политической реальности. Безус-

ловно, он понимает, что трансформация НАТО в политическую организацию в ближайшее время, по крайней мере, будет носить поверхностный характер, и смысл и последствия расширения от этого не изменятся. Кроме того, не может не беспокоить и создание военно-политического блока на юге России – ГУУААМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Армения, Молдова), активно поддерживаемого НАТО. На территории указанных государств проходят натовские военные учения, их офицеры обучаются в странах Запада, а армии переоснащаются согласно стандартам НАТО. Все это не может не навести на мысль о том, что в будущем Россия столкнется с серьезными вызовами своей безопасности.

Как отметил заместитель директора Центра Карнеги в Москве Д. Тренин, Россия должна научиться «управлять» процессом расширения НАТО²⁹. Действительно, официально дав «зеленый свет» «второй волне» расширения, Россия должна четко сформулировать свои условия (пока они еще имеют переговорную ценность). Например, неразмещение ядерного оружия и постоянных контингентов иностранных войск на территории новых членов НАТО в мирное время, оказание влияния на Европейский Союз в решении «Калининградского вопроса» в пользу России, возможность получения кредитов на модернизацию российской армии и пр.

В принципе, Российская Федерация обладает серьезным потенциалом для того, чтобы занять ключевую позицию в системе европейской безопасности. Тенденция европеизации НАТО может оказаться крайне выгодной для России, если только последняя не будет злоупотреблять игрой на американско-европейских противоречиях. Внутри натовских командных и штабных структур идет формирование чисто европейских подразделений, которые в случае необходимости будут самостоятельно вести военные операции. Однако их потенциал еще слишком слаб, и если США не захотят или не смогут оказать им поддержку, им будет достаточно сложно провести масштабную военную операцию. Таким образом, Россия может являться выгодным союзником для Европы, так как она единственная страна на Евразийском континенте, обладающая разведывательными спутниками, космической связью и крупными воинскими контингентами в совокупности³⁰.

Подводя итог, можно отметить, что вопрос расширения НАТО является наиболее сложным в отношениях России и Североатлантического Альянса. Он может интерпретироваться как наступление на национальные интересы Российской Федерации и как интеграция России в систему международной безопасности в роли ключевого игрока и налаживание качественно новых отношений с бывшими союзниками по Вар-

шавскому Договору и бывшими республиками СССР. Конфронтационная линия поведения России не представляется актуальной в настоящее время. Гораздо больших результатов Россия может достичь, выбрав путь сотрудничества и постепенного взятия под контроль этого процесса. Выработав гибкую стратегию по отношению к НАТО, Россия может реализовать свой интерес и добиться, чтобы при дальнейшей реализации своей политики НАТО никогда не игнорировала позицию России. Ведь в перспективе только отношения взаимопонимания, доверия и открытости между Россией и НАТО смогут обеспечить безопасность и стабильность в Евро-Атлантическом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 44.

² Декларация Глав Государств и Правительств Российской Федерации и Государств-Членов НАТО. <http://www.nato.int/docu/basic/txt/b020528r.html>.

³ Стратегическая концепция Североатлантического Союза. Одобрено главами государств и Правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. С. 10.

⁴ Moore R. NATO's Mission for the New Millenium. A Value-Based Approach to Building Security// Contemporary Security Policy. April 2002. Vol. 23. №1 – P. 14.

⁵ Стратегическая концепция Североатлантического Союза... С. 5, 6.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Robertson G. Challenges for the Next Decade// Nato's Nations. 50th Anniversary SHAPE Allied Command Europe. Brussels, 2001. №1. P. 9.

⁸ Declaration of the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council. Brussels, 11 January 1994; Study on NATO Enlargement issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council. В russels, 3 S eptember 1995 / The NATO Handbook Documentation. Brussels: NATO Office of Information and Press, 1999. P. 326–369.

⁹ Declaration on Euro-Atlantic Security and Cooperation issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council. Madrid, 8 July 1997 / The NATO Handbook Documentation. Brussels: NATO Office of Information and Press, 1999. P. 326–369.

¹⁰ Киссинджер Г. Будьте реалистами // США: ЭПИ. 1994. №7. С. 85.

¹¹ Штоль В. Россия и НАТО на рубеже веков // Обозреватель. 2000. № 8 (127). С. 38.

¹² Там же. С. 39.

¹³ Беседа с полковником армии США Лейфом Спонбеком. Штаб-квартира НАТО, февраль 1999.

¹⁴ Пархалина Т. Россия и НАТО: год спустя // Обозреватель. 2000. № 8 (127). С. 42.

¹⁵ NATO Handbook. Brussels: NATO Office of Information and Press, 2001. P. 65.

¹⁶ *Goldgeier J.* Not When but Who // NATO Review Spring 2002. www.nato.int/docu/review/2002/issue1/art1.html.

¹⁷ Россия-НАТО: Британские эксперты об изменениях ситуации в мировой политике // Компас. 2002. № 21. С. 79.

¹⁸ *Croft S.* Guaranteeing Europe's Security? Enlarging NATO Again // International Affairs, January 2002. Vol. 78. № 1. P. 112.

¹⁹ *Bush G.* Remarks at University Library. Warsaw. 16 June 2001. www.allied.be/usa/president/s20010615b.html.

²⁰ Россия-НАТО: Британские эксперты об изменениях ситуации в мировой политике. С. 79.

²¹ Там же. С. 79.

²² *Goldgeier J.* Not When but Who // NATO Review Spring 2002. www.nato.int/docu/review/2002/issue1/art1.html.

²³ *Примаков Е.* Россия, Запад и НАТО // Общая газета. 1996. Сентябрь. № 37.

²⁴ *Moore R.* NATO's Mission for the New Millennium. A Value-Based Approach to Building Security. P. 13.

²⁵ *Karkoszka A.* Following in the Footsteps // NATO Review. 2002 Spring. www.nato.int/docu/review/2002/issue1/art4.html.

²⁶ *Гольц А.* В НАТО по нужде // Итоги. 2000. 14 марта. С. 24–25.

²⁷ *Matser W.* Towards a New Strategic Partnership // NATO Review. 2001/2002/Winter / P. 21.

²⁸ *Black I.* Russian Resolution // Guardian. 2001. 5 October.

²⁹ *Trenin D.* Silence of the Bear // NATO Review. 2002. Spring. www.nato.int/docu/review/2002/issue1/art3.html.

³⁰ *Гольц А.* В НАТО по нужде. С. 27.